

Литературные известия

№ 11 (245)

Ноябрь 2025

Газета Союза писателей XXI века, Холдинговой компании «Вест-Консалтинг» и литературно-творческого объединения МИД России «Отдушина»

Выходит с 2008 года 1 раз в месяц

Сегодня
в номере:

Интервью

*

Новости

*

Рецензии

*

Искусство

*

Литературоведение

*

Литературный кроссворд

*

Реклама

ИНТЕРВЬЮ

— Оля, для начала расскажи, пожалуйста, нашим читателям немного о себе!

Ольга Михайлова — талантливая современная поэтесса, прозаик и фотохудожник, автор многих книг и многочисленных публикаций в центральной прессе, постоянный автор газеты «Литературные известия».

Незаурядное творчестве Ольги Михайловой перекликается с замечательной поэтической прозой Михаила Пришвина и Константина Паустовского, очерками легендарного журналиста Василия Пескова — об этом уже писали литературные критики.

И проза, и фоторепортажи Ольги Михайловой — это тоже поэзия.

ОЛЬГА МИХАЙЛОВА: «ЛЮБОЕ ДЕЛО ПОЛУЧИТСЯ, ЕСЛИ ЧЕЛОВЕК ЭТИМ ГОРИТ!..»

— Это, Женя, самый сложный вопрос... Родилась в Москве, детство в целом счастливое, в школе училась хорошо — имею похвальные грамоты, но тройку по геометрии в аттестат мне все же вклеили. Высшее образование получила не там, где хотелось бы... Работа... Есть и слава Богу. Одно время бредила идеей уйти в журналистику, но поняла, что писать в заданных рамках не смогу.

— В школе писала на отлично сочинения и кайфовала от процесса. А вот читала без фанатизма, это позже пришло. Правда, обожала «Юный натуралист». Дома у нас хорошая библиотека была, и дарили мне книги часто. Некоторые из них храню до сих пор: «Лесные домишки» Виталия Бианки, «Воробышко» Максима Горького, а еще фотокнижку Владимира Флинта «Птицы наших лугов и полей» с фотографией коростеля на обложке.

— Как ты начала заниматься литературой, фотографией?

Окончание на стр. 3

НОВОСТИ

НАСТОЯЩИЕ ПИСАТЕЛИ ЕСТЬ ВО ВСЕХ СОЮЗАХ ПИСАТЕЛЕЙ

24 октября 2025 года в редакции журнала «Знание — Сила» состоялось внеочередное заседание Секретариата Союза писателей Москвы. Оно началось с того, что Первый секретарь этой региональной организации **Евгений Сидоров** обратился со своим заявлением к Секретариату и творческим активистам: «17 с половиной лет назад вы доверили мне руководить нашим Союзом. И помогли мне в этом. За что я благодарю вас. Но я уже не молод. Мне 87 лет и скоро будет 88. Я профессор Литературного института, веду там творческие семинары, я член Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО (с 1992), я еще и литературный критик, эссеист, который пишет книги, а для всего этого нужны силы и время. И я прошу вас снять с меня полномочия Первого секретаря СП Москвы... и передать их моему заму, Игорю Харичеву». На что **Игорь Харичев** ответил: «У нас в Уставе нет такой формулировки: снимать полномочия с Первого секретаря. У нас есть выборы. Мы проведем их на конференции. Не будем нарушать наш Устав. И до конференции все остаемся на своих местах».

Все присутствующие поддержали Игоря Харичева. И благодарили Евгения Сидорова за все хорошее, что он сделал для нашей организации за много лет, и просили его не покидать нас, потому что он — непрерываемый авто-

ритет в литературном мире и наше знамя, он — незаменимый глава Союза писателей Москвы.

А затем все стали обсуждать непростую ситуацию, сложившуюся в отечественном литературном мире.

Александр Себелев констатировал: «Все писатели, которые не уехали в наше время

Евгений Сидоров повторил то, что говорил раньше: «Мы ни в коем случае не осуждаем тех, кто вступил в Союз писателей России... Это право каждого».

Игорь Харичев напомнил, что у писателя есть право состоять в различных Союзах писателей.

Евгений Степанов сказал, что «писательство — это призвание, и только», и уже «не профессия в наше время, поскольку писатели, как правило, не получают денег за свою работу».

Все поздравили его с новой книгой стихов «Преодоление», которую он принес с собой и которую ему помог выпустить Русский ПЕН-центр, а также порадовались и новой книге **Лолы Звонарёвой** «Театральные парадоксы Марка Розовского», которую она написала в соавторстве с **Мариной Хилькевич**.

Выступили на волнующие всех темы о судьбе СПМ и **Светлана Василенко**, **Владимир Семёнов**, **Виктор Куллэ**, **Евгений Попов**, **Галина Климова**, **Ольга Голова**, **Елена Исаева**, **Галина Нерпина**.

Нина КРАСНОВА,
фото автора и **Елены ИСАЕВОЙ**

РЕКЛАМА

**«Диалог» —
это ваш
телеканал!**

**ТЕЛЕКОМПАНИЯ
«Диалог» создает
фильмы о тех людях
и фирмах,
которые добились
значимых результатов
в жизни.**

www.tv-dialog.ru

НОВИНКИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

Мощно-напевный стих, сразу создающий атмосферу конкритики, прошитой золотистыми нитями вечности — коли упоминаются имена муз:

Районный ДК закрывался, и гас
фонарь у служебного входа —
и шла по звонку Мельпомена в отказ,
звала Терпсихору свобода.

Кружки прекращали свою колготу,
объект принимала охрана,
и вскачь по ступенькам с конфетой во рту
слетала фанатка экрана.

Сергей Попов круто заваривает алхимическое действо своих созвучий, и, дозированно мешая конкритику и воздушную ажурность, создает произведения фактурные, выпуклые, предельно насыщенные эмоционально и психологически.

Новая книга Сергея Попова, вышедшая в 2025 году в издательстве «Вест-Консалтинг», наименована «Поздний вираж» — название это, конечно, неслучайно.

Чеканом — телеграфной дробью существительных начинающее стихотворение — разматывается, вбирая в себя все больше и больше элементов мира; и одинокий (кажется — тощий, как штырь) ходок, перекликается с необходимостью помнить «Отче Наш», сердцем помнить основную молитву:

Рождество. Пустырь. Холодок. Ледок.
И заядлый в местности той ходок.

И занятный в песенке той зачин
без каких-то выдуманных причин.

Просто черт налево ли, по кривой
в никуда наладилсЯ, сам не свой,

где на склоне дня торопясь во тьму,
рассуждать о принципах ни к чему,

а крутой осваивая вираж,
нужно помнить — ровно как «Отче наш» —

Сергей Попов
Поздний вираж

Москва, «Вест-Консалтинг», 2025

про такую власть запредельных сил,
что не каждый голову тут сносил.

Стих Попова не прост: он ветвится и разветвляется, играя, но совершенно всерьез, придаточными предложениями, уточняющими и уточняющими смысл всего... происходящего.

В каждом стихотворении — своя внутренняя драматургия.

Каждое — вспыхивает, золотясь метафизически, на солнце духа.

Равнодушие современного мира к поэзии, к поэтическому волхвованию-пророчеству, дается через визуальный ряд: картины четкие, и дым, упомянутый в первой строке, словно показывает всю зыбкость этих картин: без словесной основы, без основополагающей идеи:

Стихосложенья осевший дым
не представляет собой угрозу
городу, что представал родным,
родине, что перешла на прозу.

За вычитаньем опасных рифм
следует разукрупнение мира —
воспоминания входят в Рим
и превращаются в сердце Рима.

Интересно-ностальгически и с игрой незримого, всепожирающего огня времени возникает портрет школы: холодноватые взмывы января блестяще бликуют при этом:

Эники-беники ели варе...
Школа в рассветном горит январе.

Пламенем синим, индейским огнем
здешней киношки охвачен объем.

А вместе с Б восседала на тру...
В зальчике яро знобит поутру.

Чинч по раскладу сценария гук —
старый «Смит-Вессон» покруче наук.

Обрываются знаменитые считалочки.
Завершаются — как и все.

Остаются бесконечные поля глубокой и колоритной поэзии, свидетельствующие о своем времени... о всех временах...

Александр БАЛТИН

Своеобразная книга поэтических коротких рассказов — иногда текст укладываются в одну строку, максимум в три. Поэтические и иронические рассказы, добренные метафизикой бытия, раскрывающие разные ракурсы бытования земного:

«У одной уважаемой Поэтессы был знакомый — молодой мужчина Муз.

Вскоре Он стал Ее Мужем.

Всего одна буква, а как меняется статус».

Кинга с колоритным названием — «Пока непроданная Любовь» (знаки препинания и акценты расставьте сами), сочиненная Александром Дудой, выпущенная издательством «Вест-Консалтинг».

Пародийно-абсурдные аспекты сборника волнами накаывают на сознание читателя:

«Литературный критик обвинял поэтов и писателей в плагиате на произведения Пушкина за использование тех же самых гласных букв, что и Александр Сергеевич».

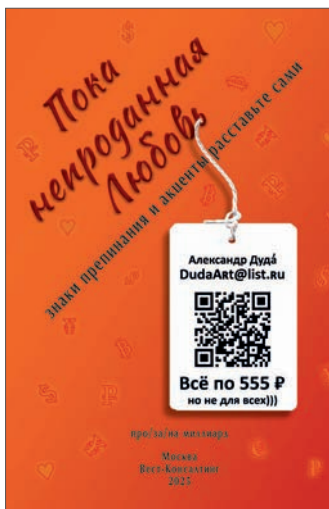
Когда не в чем обвинить — так хоть в этом, что еще делать-то литературному критику!..

Впрочем, и краткие стихотворения в прозе, включающие в себя целые бытийные истории, входят в книгу:

«Немного о силе Слова, связи литературы и финансов. В декабре 2024 года Первый зампред одной финансовой группы, “Мальчик Дима из синей группы детского сада”, так Он сам себя назвал в одной из публикаций СМИ, написал

Александр Дуда
Пока непроданная Любовь
(знаки препинания и акценты расставьте сами)

Москва, «Вест-Консалтинг», 2025

открытое письмо Снегурочке и Деду Морозу с конкретными пожеланиями, направленными на удержание ключевой ставки на прежнем уровне, поддержание экономики России и своей группы. При этом, подавляющее большинство финансовых аналитиков из других групп детского сада уверенно высказывали прогноз о повышении ставки минимум до 23%. Некоторые даже категорически говорили, что это неизбежно. Влияние синей группы оказалось сильнее, просьба была услышана, в итоге ключевая ставка ЦБ осталась неизменной.

Любые совпадения руководителей страны со сказочными персонажами можно считать “случайными”.

Вне зависимости от возраста, верьте в силу Слова, чудеса Снегурочки и волшебные способности Деда Мороза!»

Совпадения — они всегда случайны; на том и построены игры судеб.

Александр Дуда интересно заверчивает, закручивает, заваривает жизненные ситуации, рассматривая их спокойно, со стоицизмом: мол, жизнь щедра на... многое, и всегда остаются юмор и ирония, чтобы примириться с ее каверзами.

Хорошо читается книга — бодро, звонко.

Часто весело.

Александр БАЛТИН

РЕКЛАМА

Трехтомник о поэтах и поэзии
«Они ушли. Они остались»,
составленный Евгением Степановым,
всегда в продаже в магазине «Литлавка».

<http://litlavka.ru/>

ИНТЕРВЬЮ

ОЛЬГА МИХАЙЛОВА: «ЛЮБОЕ ДЕЛО ПОЛУЧИТСЯ, ЕСЛИ ЧЕЛОВЕК ЭТИМ ГОРИТ!..»

Окончание. Начало на стр. 1

— Если не книги, то откуда черпать знания?

— Из жизни. Мне требовался свой опыт познаний и наблюдений, поэтому мое внимание больше занимало то, что происходило за окном. А за окном были птицы, деревья и кусочек неба между крышами соседних домов. Наверное, мне не хватало, да и сейчас не хватает, простора, поэтому, когда появилась возможность, я начала снимать город с крыш — никакой преграды для глаз! «С высоты птичьего полета» — так романтичнее звучит. Фотография для меня такая же неотъемлемая часть меня самой, как и литература.

— В чем это проявляется?

— В желании сохранить в памяти увиденное. Часто из фотографии рождается идея нового рассказа или стихотворения, плюс по фотографии легче восстановить картину произошедших событий и учесть детали, которые потом используются. По снимку можно идентифицировать и описать птицу — это тоже важно, если видишь ее впервые.

— Что любишь фотографировать? Судя по всему, прежде всего, птиц?..

— Раньше снимала пейзажи, теперь в основном птиц, но трогающие душу картины природы не пропущу. Хотя в последнее время тяготею к портретной съемке — если я чувствую пернатых, то могу чувствовать и людей. Но погружаться в эту область не спешу, пока учусь — для меня как интроверта это выход из зоны комфорта.

— Кто твои любимые писатели?

— Михаил Михайлович Пришвин, имя и отчество как у моего дедушки. Книга «Дорога к другу» (дневники писателя) стала моей настольной книгой, той, которую я взяла бы с собой на необитаемый остров. Любимые поэты — Арво Метс и Мацуо Басё. Сборники их стихов тоже возьму на остров (улыбается. — Е.С.).

— С чего начиналась твоя поэзия?

— С детских книг, видимо, и начиналась. Недавно пересмотрела сохранившиеся книжки. Оказывается, среди них

немало стихов, в основном о природе. Момент появления интереса к перу совпал с периодом активных путешествий к берегам Балтийского моря — в Эстонию. Там я открывала для себя уникальность экологических троп, прелесть хуторского быта, бережливое отношение к природе, которая совсем рядом — стоит выйти за пределы Старого города.

— У тебя есть произведения об Эстонии. Что вдохновляет писать об этом крае?

— Все, что я видела и помню. Я находила своих героев, ими могли быть люди и птицы, в Таллине, в рыбацкой деревне, на островах, на хуторе, где жил друг моего отца, — везде. Также писала travel-очерки и в какой-то момент начала собирать книгу «Моя Эстония». Кроме того, в течение пяти лет я работала внештатным автором Таллинской газеты Linnaleht. Это был, наверное, самый счастливый период в моей жизни.

— Твоя первая книга стихов даже издана в Таллине...

— В эпилоге «Прекрасной птицы» я написала так: «Тепло души, которым пронизаны стихи, я возвращаю туда, где оно и зародилось — Эстонии, где мне легко дышится и позитивно мыслится». Что примечательно — Владимир Брагин, председатель Объединения русских литераторов Эстонии, который вел в 2013 году презентацию моей книги, сказал очень значимые для меня слова: «Когда я слушал, как Вы читаете свои стихи, именно читаете, я подумал, что Ваша стихия — верлибр». Так что, все оказалось взаимосвязанным. Впоследствии я ушла от силлабо-тонического стихосложения.

— Как бы ты ответила на вопрос: «Что такое поэзия?»

— Это царевна-лебедь. А если серьезно, то целый мир!

— Откуда такая любовь к пернатым?

— С тех самых книжек о птицах. А, может быть, все дело в волнистых попугайчиках — Петрушу и Бяку мне отдала одноклассница. Попугаи жили у нас на протяжении почти сорока лет — столько поколений этихмышленных созданий на глазах сменилось. А еще помню: иду из школы, мороз трещит, а на дорожке — синичка. Я варежки сняла и в ладонях ее отогреть пыталась. С тех пор не люблю зиму...

— Птиц непросто фотографировать. Как тебе это удается?

— Мне кажется, любое дело получится, если человек этим горит. Говоря о процессе, то сначала я птиц слышу и различаю по голосам. Плюс знаю, кто в каких биотопах обитает, какие повадки имеет. Интересно и наблюдать, и фотографировать — одно другое дополняет. Конечно, нужна высокого уровня фототехника, а еще терпение и осторожность — спокойствие и безопасность птиц прежде всего.

— Какие у тебя любимые места в Москве и Подмосковье, в других краях?

— В Москве чаще брожу в Измайловском лесопарке и близ Царицынских дач и Нижнего Царицынского пруда — это мои места силы. В России — это Куршская коса, где проходит путь миграции птиц, Кольский полуостров и Питер с его окрестностями, где есть выход к побережью и возможность увидеть водоплавающих и околотовных птиц. А за границей, естественно, Эстония, по которой очень скучаю и не теряю надежды когда-нибудь вернуться.

— Без чего ты не могла бы жить? Понятно, без птиц, а еще?

— Без моря, рассветов, тумана, звездного неба, облаков, весны и радуги.

— У тебя есть мечта?

— Да — жить в своем доме за городом. Рядом — лес, поля и песенка жаворонка. А на участке обязательно кормушка для пернатых гостей.

— Ну и традиционный вопрос: какие у тебя творческие планы?

— Совершенствоваться как фотограф, издать новую книгу и провести свой авторский вечер.

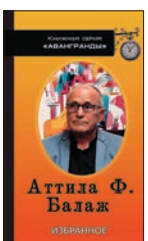
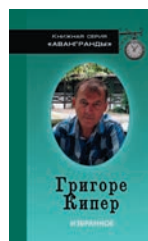
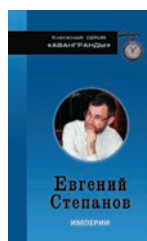
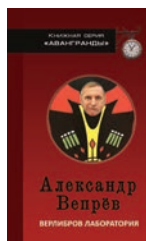
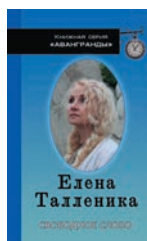
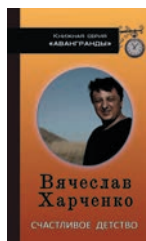
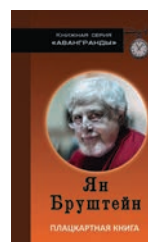
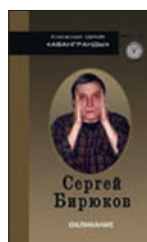
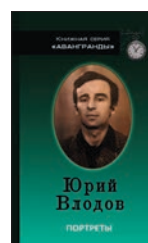
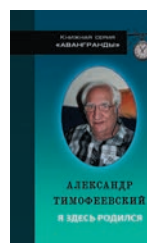
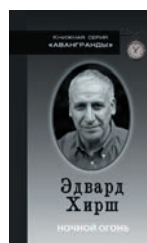
Беседу вел Евгений СТЕПАНОВ

РЕКЛАМА

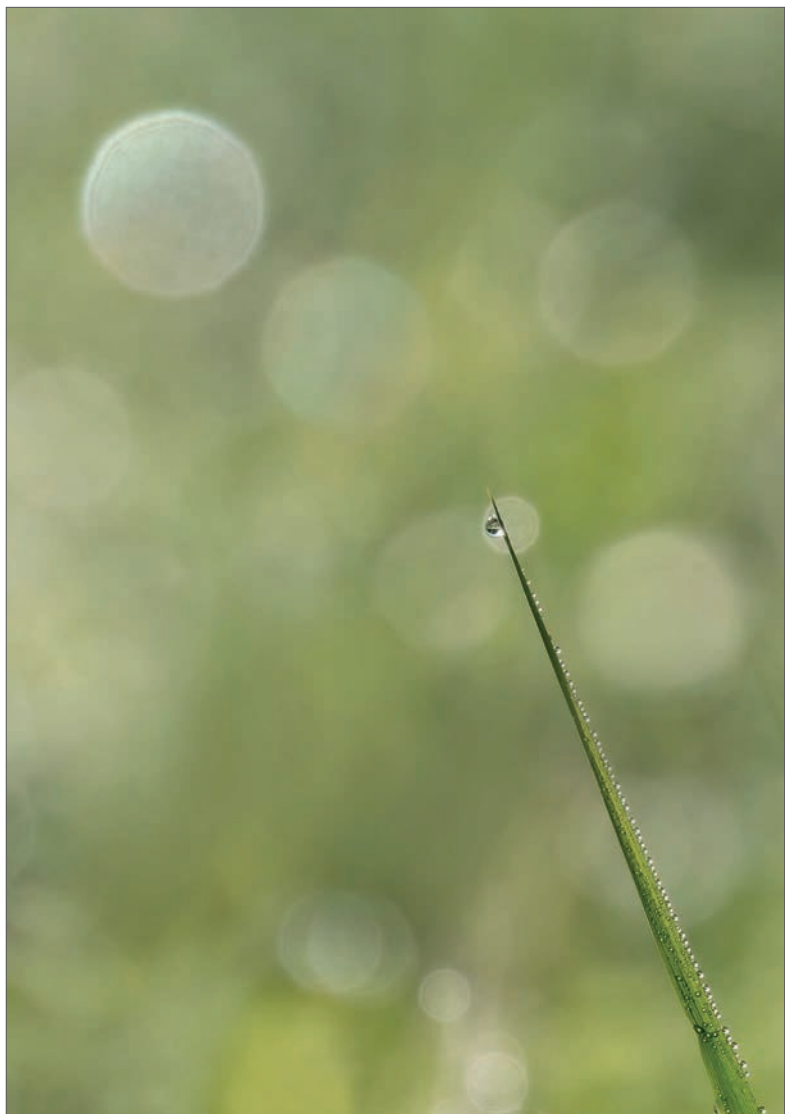
Издательство Евгения Степанова
новинки серии
серия «АВАНГРАНДЫ»

САЙТ:

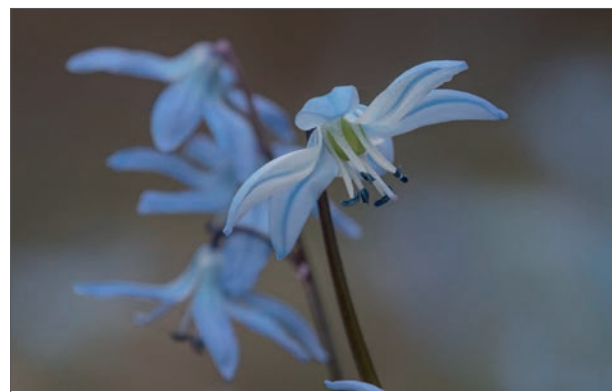
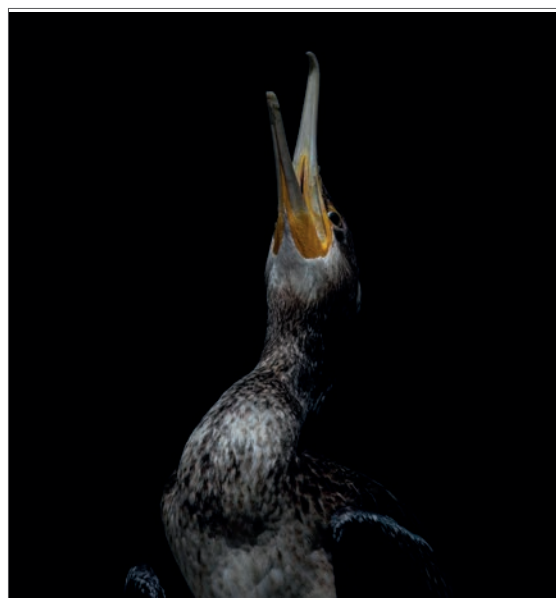
WWW.STEPANOV-PUBLISHING.RU

ИСКУССТВО

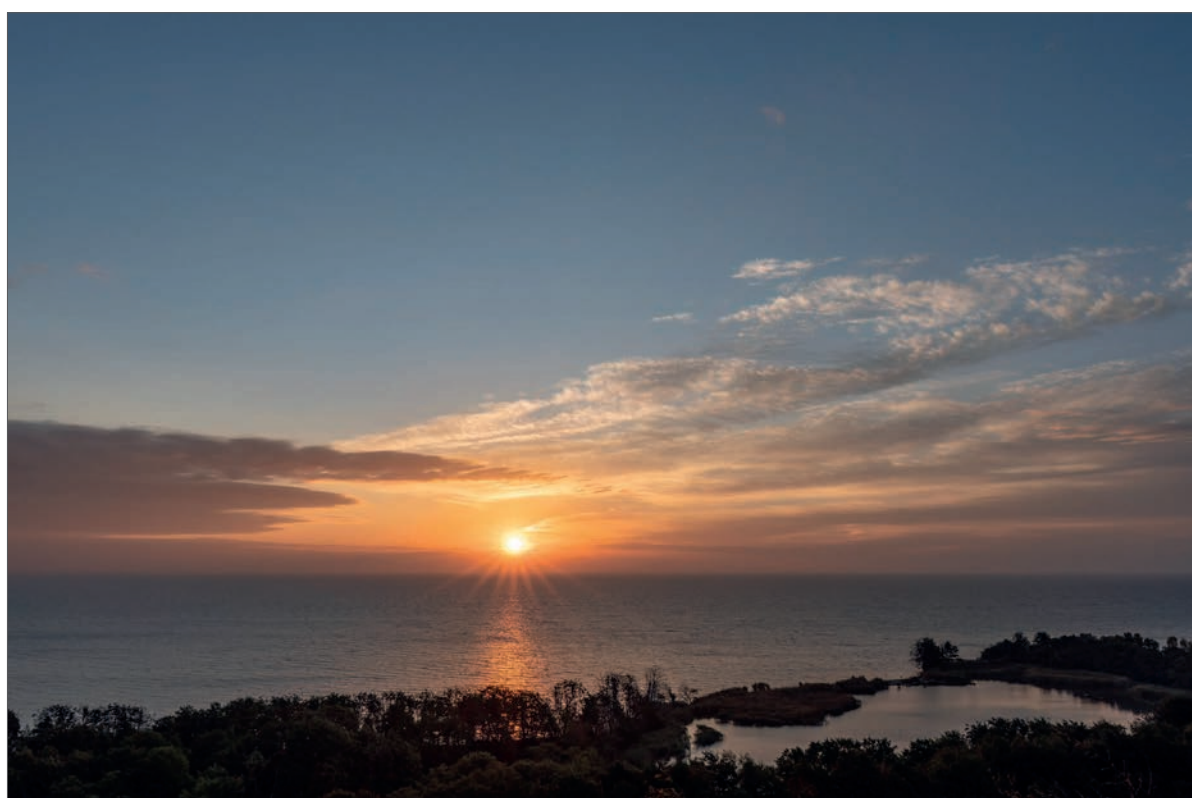
ФОТОПОЭЗИЯ ОЛЬГИ МИХАЙЛОВОЙ

ИСКУССТВО

ФОТОПОЭЗИЯ ОЛЬГИ МИХАЙЛОВОЙ

Иосиф РУХОВИЧ ИРОНИЯ МИХАИЛА БУЛГАКОВА

Иосиф Рухович — поэт, прозаик, литературовед. Член Союза писателей XXI века с 2024 года. Живет в поселке Томилино (Московская область).

*Владей собой среди толпы смятенной,
Тебя кланущей за смятение всех,
Верь сам в себя, наперекор Вселенной,
И маловерным отпусти их грех...*

Редьярд Киплинг, «Заповедь»
(перевод М. Лозинского)

Виктор Шкловский считал, что литература есть сумма приемов. То есть, нарушая привычную речь, автор ищет способы повышения художественности словосочетаний — выразительности. И может нас окатить «громкой тишиной» и так далее.

Но зачем? Почему нужно *показать*, а не просто *сказать* — вот этот человек хороший, а тот совсем наоборот? А потому что писатель взял на себя невыполнимую задачу, которую решает по мере сил и таланта — описать словами то, что слов не имеет. То есть чувства. Да и мысли в связи с чувствами не так просто привести в порядок.

Есть среди бесчисленного множества приемов, которые мы, конечно же, рассматривать не будем, и такой сложнейший и отдельно стоящий, как ирония.

Ирония далеко не так очевидна, как кажется на первый взгляд. Академик А. Н. Лук в своем очень серьезном труде «О чувстве юмора и остроумии» пишет: «Ирония один из самых тонких и труднодоступных видов остроумия». Особенно для понимания. А без понимания можно не суметь прочесть написанное и даже можно прочесть совсем не то, что написано.

Но в чем трудность восприятия иронии? Прежде всего, в том, что говоря об одном, подразумевают другое. И для того чтобы понять «другое», требуется усилие, которое и доставляет наслаждение понимания.

Конечно, есть ирония почти очевидная, не требующая особых усилий. Например, когда храбрый солдат Швейк рассуждает, как приятно получить пулю в живот за любимого монарха, сразу понятно, что пулю в живот неприятно получать ни в каком случае и что имеется в виду оболванивающая пропаганда.

Но вот пример, требующий осмысления и который не сразу и не каждому откроется: «— Вам не кажется, что этот молодой человек упрям? — Да, это одна из четырех его ахиллесовых пят». Только подналовший в чтении художественного языка соединит упрямство с четырьмя конечностями и поймет, что молодого человека обзвали ослом.

Так что с иронией необходимо разобраться. Словари толкуют иронию как тонкую и скрытую насмешку. Что ж, можно и так... Но тогда что делать с тонкой и скрытой иронией? Вы почувствуете мою тонкую и скрытую насмешку над словарным определением?

И не забудем, что именно скрытность, порой нарочитая серьезность отличают иронию от юмора и особенно от сатиры. Томас Манн подчеркивал, что ирония — *взгляд с высоты свободы, покоя и объективности, не связанный ни с каким морализаторством*.

Непревзойденное определение, как мне кажется, дал Михайло Васильевич Ломоносов: «Ирония есть, когда через то, что *сказываем*, *противное разумеем*». Лучше не скажешь!

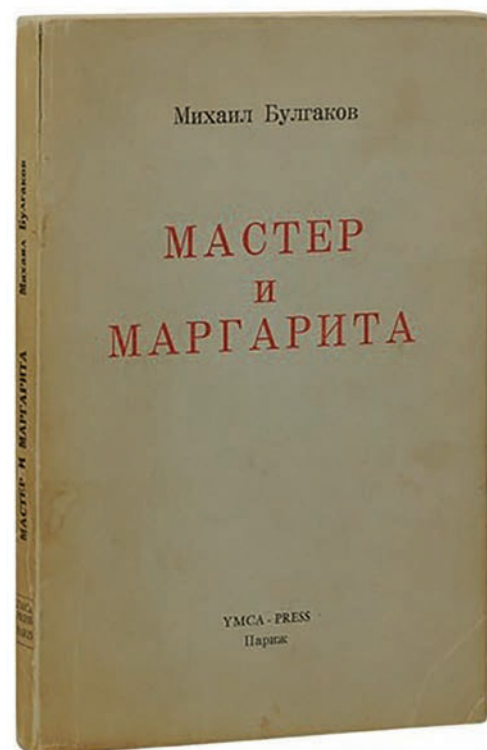
Интересна и трактовка Фрейда, сводящая любое остроумие к двум основным началам — сексуальному и агрессивному. Это нас мало интересует, но вот вывод об остроумии как о *способе экономии психической энергии* за счет уменьшения необходимости тормозить побуждения и импульсы, пожалуй, запомним.

По моему мнению, движущая сила иронии — стыд. И не только за себя, за близких, за окружающих, но и за общество, страну, да и за весь мир, как-то не так с нами поступающим. Стыд, мучающий нас, как, пожалуй, никакое другое чувство. Порой просто разьедающее душу.

И вот ирония. Когда «через то, что *сказываем*, *противное разумеем*». Шутка способна нас примирить с чем угодно. И сэкономить массу психической энергии. Но и разумеемое противное выявить тоже.

Если мы с вами договорились понимать иронию в ломоносовском духе, то попробуем ее прочесть в романах и повестях Булгакова.

Но прежде всего — пойдем от обратного. А что если ирония не понята? Не исказится ли художественный текст романа?

Вот Булгаков в «Мастере и Маргарите» передает разговор двух *москвичей*: «— Ну, *Тверскую вы знаете?*» Вроде бы ничего необычного — разговор как разговор. Если не ощутить иронию. Константин Симонов, автор предисловия к первому изданию романа, видимо, принял всерьез — Тверскую переименовали в улицу Горького в 1932 году. И определился с временем действия — двадцатые годы XX столетия. Но если разговор происходит до 1932 года, он просто нелеп — сомневаться в знании горожанина главной улицы столицы?!

Предисловие Симонова задало основные векторы советскому, а затем и российскому булгаковедению — роман о событиях 20-х годов, роман о любви мастера и Маргариты, прототип мастера — сам Булгаков, Маргариты — третья жена Булгакова, Елена Сергеевна. Ни одно из этих направлений ни Симоновым, ни последующей армией булгаковедов не было серьезно обосновано, но сразу же внедрившийся стереотип породил бесконечное количество теоретических работ и диссертаций.

Не думаю, что целью Симонова было задать направления будущему булгаковедению. Можно считать, что он просто высказал свои мысли и ощущения. Можно... Но мне кажется, подчеркиваю кажется, что серьезных доказательств нет, кроме логики, но логика моя может не совпадать с симоновской. Может быть, преследовалась совсем другая цель? Константин Михайлович, будучи серьезным писателем и мыслителем, не мог, если и не понимать, то не почувствовать глубину романа, далеко выходящую

за рамки обозначенной им тематики. Он, пользуясь большим авторитетом в партийной среде, добивался публикации великого романа опального писателя. Симонов убеждал партийных функционеров, что ничего страшного, антисоветского в романе нет — любовь, давно прошедшие двадцатые годы, понятные прототипы и так далее — печатайте! И напечатали! Если так, то можно простить поверхностные оценки и дальнейшие направления работ. В конце концов, стереотипное булгаковедение отойдет в сторонку, а великий роман останется.

Альфред Барков, автор «Альтернативного прочтения» романа, почувствовал нарочитую нелепость фразы о Тверской, предварительно с математической точностью доказав, что дата гибели Берлиоза, а стало быть и время действия романа — 19 июня 1936 года. И что таким образом Булгаков неявно ввел в роман имя Горького, умершего и похороненного в это время. И подчеркивает: «Здесь Булгаков демонстрирует прекрасное владение приемами психологии, используя их для провоцирования неконтролируемых ассоциаций». То, что Булгаков превосходный мастер «неконтролируемых ассоциаций», не подлежит никакому сомнению, но именно в этом месте они кажутся слишком натянутыми. Во всяком случае, современному читателю без Баркова такое в голову вряд ли придет даже на подсознательном уровне. Да и современнику Булгакова, в общем-то, тоже.

А вот в иронии здесь слышится *скрытая насмешка* над переименованием исторических улиц...

...Между прочим, рассуждения Альфреда Баркова о временных метках в текстах Булгакова сыграли огромную роль в формировании моих личных отношений с художественными произведениями.

Сошлюсь на свой читательский опыт. Первое чтение, а это было в конце 60-х годов в зачитанном до дыр журнале «Москва», привело в восторг. Однако последующие, в купе с некоторыми литературоведческими и критическими материалами, породили недоумения, обнаружились непонятные места и даже откровенные нестыковки. Почему мастер не заслужил света? А Левий Матвей, отчаянно проклинавший Бога, оказался не только в свете, но и в обеих частях романа. И вообще, почему он Матвей, а не Матфей? Зачем «роман в романе»? В конце концов, я даже склонялся к тому, что роман как бы и незавершенный, невыстроенный, неувязанный.

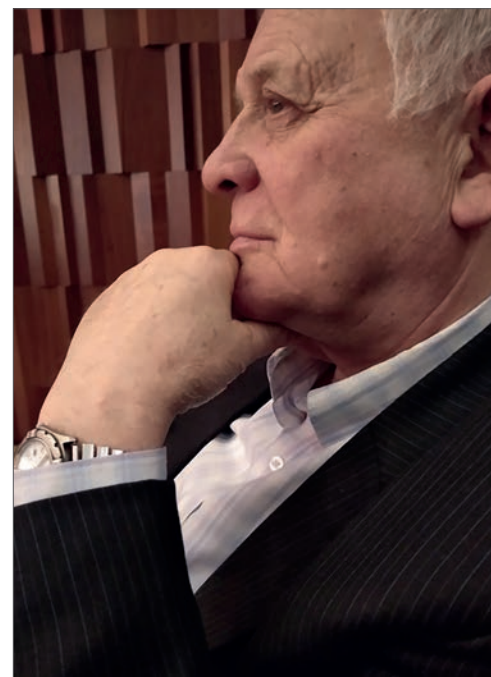
Однако не склонился.

В чем удивительная, притягательная сила романа, заставляющая читать и перечитывать, если даже знаешь почти наизусть? Если передать содержание, так вроде ничего уж такого особенного... Однако тянет!

В великих произведениях всегда есть какая-то тайна. Кажется, что в них есть второе, третье дно. Что до истинного понимания ты не дошел, чего-то не хватило...

И вот в начале 90-х в каком-то научно-популярном журнале, по-моему, в «Знание — сила», мне попадает статья А. Баркова, в которой астрологическая «лапша на уши», которую вешает читателю «переводчик» Воланд, определяя время и место гибели Берлиоза, оказывается строгим астрономическим определением времени действия романа! К сожалению, все попытки, в том числе и «раскопки» в интернете на доступную мне глубину, обнаружить эту публикацию закончились неудачей; но все исследования Баркова приведены в его работе «Роман Михаила Булгакова "Мастер и Маргарита"».

Статья А. Баркова убедительно доказала, что даже незначительная забавная болтовня

Воланд о положении и движении планет и Луны несет огромный смысл в постижении романа, определяя время действия. Меняется отношение не только к фабульной составляющей романа, но и к действующим лицам. В том числе к самому Воланду. Раскрываются многие тайны романа, которые мы в меру сил стараемся постичь.

Вот эта подсознательно ощущаемая тайна тянет и тянет, и что-то начинает брезжить. А. Барков («Образ рассказчика в "Белой гвардии" как основное композиционное средство романа») совершенно справедливо замечает: «Поскольку интуитивное восприятие является единственным критерием оценки художественности любого произведения, то вывод может быть только один: все видимые "недостатки" включены автором преднамеренно, в качестве композиционного средства, играющего существенную роль в постижении его смысла». Но как включает автор «недостатки»? Барков считает, что таким приемом является мениппея (термин М. М. Бахтина), то есть автор поручает рассказ одному из героев, а тот уже может «врать как угодно», но, безусловно, проговорится. Другими словами, интенции автора и рассказчика не совпадают, и на этом противоречии раскрывается замысел произведения. Такой подход под пером Баркова оказывается чрезвычайно плодотворным, отсылаю к его трудам.

Смушает, правда, попытка придать приему всеобщий характер, то есть объяснить все с этой точки зрения. Но, по приведенному в начале статьи мнению В. Шкловского, литература есть сумма приемов, и писатель никогда не ограничивается каким-либо одним.

Кроме того, мениппея предполагает сатирическую направленность, но главное ли для Булгакова сатира?

Мне кажется, что в «Мастере» очень сильно ощущается именно ирония, и роль этого приема недооценена. Попробуем прочитать роман с этой точки зрения, хорошо понимая, что ирония — не сатира.

Ирония начинается прямо с названия — «Мастер и Маргарита». У литературы есть свои стереотипы, и мы привыкли, что если в заглавии имена, то они и главные герои, и о них в основном пойдет речь. «Анна Каренина», «Джейн Эйр», «Один день Ивана Денисовича» и так далее. Начинаем читать — и вскоре ощущаем некоторое недоумение. Время идет, страницы слева полнеют, а героев все нет и нет. В романе тридцать две главы и эпилог. Так вот, мастер (я пишу это слово со строчной буквы, также иронично как Булгаков) появляется впервые (!) только в тринадцатой главе, во второй трети романа. До этого никаких упоминаний о «главных героях» мы не находим, разве что в одиннадцатой главе в двух последних строчках мастер прижимает палец к губам: «— Тссс!». Что тоже можно понять как иронию — и как буквальное «ни звука, а то услышат», и как «никому

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Иосиф РУХОВИЧ
ИРОНИЯ МИХАИЛА БУЛГАКОВА**Продолжение. Начало на стр. 6**

ни слова!». Дескать, такое услышишь, самому себе не поверишь. Дальше мастер как действующее лицо исчезает и появляется уже в двадцать четвертой главе. И снова исчезает, чтобы появиться в самом конце романа — в двадцать девятой.

Маргарите «повезло» больше, но ненадолго. Она — как действующее лицо — появляется в девятнадцатой главе, и ее «длительность» пребывания на страницах связана с приготовлениями еды, роскошью и последствиями бала сатаны.

Согласитесь, не так много места уделяется заглавным героям и их «романтической» любви?

Значит, чисто композиционно заглавные герои не являются главными. Тогда кто же? По объему занимаемого места, безусловно, Воланд и несчастный поэт Бездомный.

Конечно, можно возразить, что дело не в занимаем объеме, а в смысловой, идеологической, социальной составляющих образов в произведении. Согласен, но если внимательно присмотреться, то и в этих областях их роль невелика. И мастер, и Маргарита относятся к типу малоподвижных персонажей, их образы от заявленных в начале и до конца почти не изменяются. А вот Воланд и Бездомный — еще как! Особенно поражают метаморфозы Бездомного.

Но зачем нас «надувает» Булгаков с ролью заглавных персонажей? Многочисленные ответы содержатся в самых неожиданных местах романа. И не только в нем, а, скажем, и в «Театральном романе», также посвященном судьбам художника и его произведений. Но основной ответ почти очевиден. Главным персонажем романа является не художник — мастер, — не его судьба, а его произведение, дело жизни, библейский роман. Именно вокруг него закручивается захватывающий сюжет. И он преподносит «немало сюрпризов», по слову Воланда, как внутри текста, так и за его пределами.

Роман очень литературен, в хорошем смысле слова, и содержит массу аллюзий. И даже с них начинается: *«Однажды весною, в час небывало жаркого заката, в Москве, на Патриарших прудах, появились два гражданина»*. Что-то в стиле, настроении, лексике слышится знакомое, не правда ли? И настраивает нас на неспешное повествование, характерное для русской литературы девятнадцатого века. Недаром пруды названы Патриаршими, переименованными в Пионерские еще в 1924 году. Конечно, Патриаршие создают и неконтролируемую ассоциацию и настраивают на религиозную тему романа. Но что-то еще... А, вот! Совершенно неожиданная ассоциация с первыми строчками «Преступления и наказания» Достоевского: *«В начале июля, в чрезвычайно жаркое время под вечер один молодой человек вышел из своей каморки...»*. Сходство несомненное — и время суток, время действия, и аномальная погода... Но главное — стиль. Вот уж поистине «противоположное разумеем». Никоим образом не думаю, что Булгаков иронизировал по поводу великого романа Достоевского. Нет, уважаемые читатели, объект иронии — мы с вами, читатели. Нас, привычных к меркам предыдущей литературы, Булгаков как бы вводит в степенность и последовательность повествования и надует, как надувал Корольев. И окунет в такую фантазматическую — держись! И при этом преступление и наказание, и Достоевский в подсознании останутся, и мы их, безусловно, в романе найдем.

Уже на первых страницах романа появляется странный иностранец, который будет с нами до самого конца. Введение «странного» чужеродного персонажа преследует, как мне кажется, как минимум две цели. Прежде

всего, заинтересовать читателя: «Кто такой?», «Что ему надо?», «Откуда взялся?», и, вообще, «В чем дело?». А вот вторая цель, очень не очевидная, заставляет нас подсознательно взглянуть на нашу привычную жизнь с ее обыденными пейзажами Патриарших прудов, ритуалами, отсутствием охлаждающих напитков, разговорами о якобы не существовавшем Иисусе Христе, с бешено несущимися трамваями, отстраненными глазами другого человека. И именно этот взгляд, как бы со стороны, останется с нами на всем протяжении романа, став одним из лейтмотивов повествования.

И тогда хочется понять: кто он и зачем он, этот Воланд?

Попробуем с точки зрения иронии прочесть самого яркого персонажа романа. Очень иронично, как всегда, вводит Булгаков этот персонаж: *«Впоследствии, когда, откровенно говоря, было уже поздно...»* и далее идут противоречивые описания внешности. Здесь дышит иронией буквально каждое слово. Непосредственно перед этой фразой звучит — «показался первый человек». И заканчивается абзац: «особых примет у человека не было». Но в начальной фразе автор впервые вмешивается в повествование (далее еще будет, вплоть до знаменитого «За мной, читатель!»). И сообщает, что ему уже все известно — *«Впоследствии»*. И тем не менее заявляет, что Воланд человек.

Роскошная ирония — *«было уже поздно»*. То есть если бы вовремя и точнее представили сводки с описаниями в соответствующие органы, то можно было бы предотвратить проказы сатаны.

Что Воланд человек, Булгаков подчеркивает неоднократно. Прежде всего, он не сатана в традиционном представлении. Это и обязательный берет — рогов нет, и обнаженная нога при втирании мази — копыт нет.

Но если Воланд человек, то хотелось бы понять — кто именно. И тут нельзя не коснуться вопроса о прототипах.

Поиск прототипов — развитая отрасль литературоведения, их без усталы ищут и обязательные находят, ибо даже самый заядлый фантаст с какой-то натуры писать начинает. Считается, что такие находки помогают глубже проникнуть в замысел писателя. Ой, ли? Прототипы — в большинстве случаев толчок для писателя, а не натура. Известно, скажем, что Льву Толстому прообразом Наташи Ростовской послужила Кузьминская, сестра Софьи Андреевны. Объемистый том ее воспоминаний показывает, что, по-моему, особого отношения к героине великого романа она не имеет. По собственному опыту знаю, что поселившиеся в нейронах писателя герои никакого внимания на первоначальные толчки не обращают и ведут себя настолько самостоятельно, что и автора порой не слушаются. Сам Булгаков в «Театральном романе» прекрасно описал этот процесс — помните *«коробочку»*? *«Правда, — пишет Булгаков, — если бы кому-нибудь я бы сказал об этом, надо полагать, мне посоветовали бы обратиться к врачу»*.

Но это если речь идет о людях обыкновенных, ставших необыкновенными уже в произведении. Когда же в романе ощущается намек на исторические персонажи, то дело коренным образом меняется. К тексту добавляется значительный пласт знаний читателя об этом лице и его историческом времени. Эти знания взаимодействуют с художественным текстом, значительно расширяя и добавляя смыслы...

Такой намек в образе Воланда явственно ощущается, но в поисках прообраза очень важно не ошибиться.

В моей библиотеке на самой дальней и неприкасаемой полке немало булгаковед-

ния, в том числе и книга «Тайна Воланда», имеющая подзаголовок «Опыт дешифровки».

Попутно замечу — художник ни в коем случае не *шифрует* художественный текст, ибо не скрывается, а хочет быть понятым. Странно было бы представлять писателя, составляющим ребусы или криптограммы, а читателя — их разгадывающим. Не надо думать, что *шифровка* вынуждается цензурой или этикой. Это, конечно, тоже, но далеко не главное. Возьмите, например, «Алмазный мой венец» Валентина Катаева — о какой цензуре могла идти речь? А, между тем, чуть ли не весь Советский Союз ломал голову — кто скрывается под таинственными именами. Литература, как и все искусство, а может быть, и вся жизнь — игра. В нее играет и сам писатель, и вовлекает нас. Тот, кто знает правила и язык, ищет расставленные *метки, коды*, а не шифры, и все глущее и глубже проникает в неисчерпаемую тайну текста. Кроме того, тайна возникает еще и потому, что зачастую писатель выражает словами то, что слов не имеет.

В упомянутой книге «найден» прототип Воланда в виде какого-то неординарного летчика, которого Булгаков «мог знать». Биография летчика описана достаточно подробно, но замысел романа так и остается непонятым.

В профессиональном и любительском булгаковедении встречаются и другие «прототипы» Воланда. Частенько упоминают Сталина, видимо, основываясь на восхищении Воландом: *«Всесильный!»*. Никаких убедительных оснований нигде приведено не было, да и я при самом внимательном чтении не обнаружил.

Кстати, по моему мнению, Сталин в романе все-таки присутствует, хотя и незримо. Вспомним о находящемся где-то вдалеке, но всё видящим, знающим, за всем следящим императоре Тиберии, из-за страха перед которым Понтий Пилат отправляет на мученическую смерть человека, в невиновности которого убежден.

Я думаю, что многие вдумчивые читатели, в том числе и я, простите за нескромность, уже при первом прочтении заподозрили в Воланде намек на вождя мирового пролетариата — Владимира Ильича Ленина. А современники Булгакова, которые смогли прочесть книгу, наверное, догадались сразу. Но, естественно, держали рот не на одном замке. За одну догадку можно было бы попасть на не очень приятную беседу в соответствующие органы. Не потому ли роман ждал публикации более двадцати пяти лет?

Но тайное, как известно, всегда становится явным и кто-то должен был произнести имя вслух. И тут очень важно, как в известном мультике, кто сказал «мяу». Особенно первым. В литературе и науке это означает — кто первым опубликовал.

Вот довольно яркий пример из истории науки.

До неевклидовой геометрии дошел не только Николай Иванович Лобачевский, но и великий немецкий математик Риман и юный венгерский гений Януш Бояи. Причем до Лобачевского. Но ни тот, ни другой не решились опубликовать свои открытия, ограничившись неофициальной перепиской. Лобачевский, естественно, не мог знать об их размышлениях, разработал теорию самостоятельно и — главное — опубликовал! И совершенно заслуженно человечество именует неевклидову геометрию геометрией Лобачевского, ибо именно он *открыл* ее для человечества. Все остальное, как говорится, размышления на лестнице.

Можно привести пример и с открытием Америки. С детских лет мы убеждены, что Америку открыл Колумб. Однако литературные и археологические исследования неопровержимо доказали, что первый из извест-

ных нам европейцев, достигший берегов нового континента лет за пятьсот до Колумба, был грозный Эрик Рыжий, высадившийся и даже организовавший поселение на берегах Гренландии. Я, правда, думаю: там побывали и до Эрика. Есть сведения — из саг — что еще в начале X века соотечественник Эрика — Гунбьёр — берегов если и не достиг, то, во всяком случае, их увидел.

Но *побывал* и *открыл* — совершенно разные вещи. Плаванья предшественников никакого влияния ни на Новый Свет, ни на Европу не оказали и были совершенно забыты даже соотечественниками. А вот Колумб буквально перевернул мир. Так кто открыл Америку?!

В нашем случае первооткрывателем стал умный и тонкий литературовед, к сожалению, не профессионал по статусу, Альфред Николаевич Барков — в интернетовском издании «Роман Михаила Булгакова "Мастер и Маргарита". Альтернативное прочтение». Хотя мы с Барковым одного поколения и даже в одно время учились в Донецком политехническом институте, но друг друга не знали, а о публикациях я в те времена и не мечтал. Я, конечно, сравнил собственные рассуждения с барковскими и остался очень доволен — значит, я все-таки был прав! Некоторая часть доказательств совпала, но многие рассуждения принадлежат мне. Поэтому *открытие*, безусловно, принадлежит А. Н. Баркову, но считаю возможным привести и свои соображения.

Начнем с имени — Воланд. Кто это и откуда? Не претендуя на бесспорность моих рассуждений, попробуем разобраться.

В разговоре с Бездомным мастер выражает уверенность, что Берлиоз *«все-таки что-то читал»*, и дальше явственно произносит — «Фауст». Это имя еще дважды звучит в романе — в эпилоге и обращении Воланда к мастеру в конце книги. Но ни в «Фаусте», ни вообще в мировой литературе имени Воланд нет, если не считать мелкого персонажа Faland в трагедии Гёте, никакого отношения к роману Булгакова не имеющего...

А не слышится ли ирония в этом имени? В самом деле, в описываемое время делалась попытка отказаться от святцев при выборе имен. Появились Октябрины, Сталины, Электроны и прочая. В том числе и имена-аббревиатуры: Марлен — Маркс-Ленин, Вилен — Владимир Ильич Ленин, Вилор — Владимир Ильич Ленин — Октябрьская Революция и так далее. Не знаю, что конструировал и конструировал ли Булгаков, но основные согласные имени и фамилии вождя присутствуют. Но, повторяю, эти догадки не слишком серьезны, поскольку совершенно бездоказательны.

Но в тексте немало и более серьезных намеков на Ленина. Например, уже упомянутые противоположные описания его внешности. Не отсылают ли они нас к очерку «В. И. Ленин», в котором Горький признавался, что *«Писать его портрет — трудно. Ленин, внешне, весь в словах, как рыба в чешуе»*. Превосходное сравнение мастера советской литературы и инженера человеческих душ! Особенно учитывая устойчивое представление о рыбьей чешуе как о чем-то скользком. Но иронией у Горького и не пахнет.

Или, скажем, что это за причуда играть в шахматы перед великим балом? Не намекает ли Булгаков на только что вышедшую поэму Маяковского «Владимир Ильич Ленин»: *«...мне бильярд — отращаяво глаз — шахматы ему — они вождям полезней?»*

Или выражение *«голову оторвать»* — не из лексики ли вождя?

Может быть, читатель найдет еще немало намеков на эту фигуру. Прошло уже столько лет, и то, что было очевидно современникам, уже основательно забыто. Но любителям

Окончание на стр. 8

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Иосиф РУХОВИЧ
ИРОНИЯ МИХАИЛА БУЛГАКОВА**Продолжение. Начало на стр. 6**

покопаться в литературных источниках что-то да и откроется.

Все выше сказанное, как и — возможно — ваши открытия, дорогой читатель, не означают, что Булгаков аллегорически выписывал портрет вождя. Нет, конечно! Но ироничные намеки, на мой взгляд, ощущаются явно и позволяют более глубоко уловить смыслы взаимодействия Воланда и его команды с советской действительностью.

Значительно позднее Солженицын назовет Ленина антихристом. Не результат ли это интуитивного прочтения романа Булгакова?

Самым убедительным намеком, конечно, является представление в варьете. Что «противное» имел в виду Булгаков? Ну, не просто же так озорничали Коровьев с Бегемотом?

По-моему, ирония здесь очевидна. Конечно, это ироническая реализация сказки о коммунизме. Деньги сыпятся с потолка, все товары высшего качества и совершенно бесплатно, обслуживание на высшем уровне. Да только потом червонцы оборачиваются бумажками, да еще и кусаются, а обманутые женщины оказываются в одном исподнем, а то и без. А с чьим именем мы связываем построение коммунизма «в одной, отдельно взятой стране»? Одну из стадий — военный коммунизм — уже и прошедшей.

Но самая интересная и замечательная ирония в словах Воланда о спектакле. Прежде всего, он хотел посмотреть, как сильно изменились люди «в массе» (слово, кстати, из лексикона вождя). Это по сравнению с чем? Значит, он знал этот народ в недавнем прошлом?

Короткая знаменитая фраза Воланда: «Только квартирный вопрос их испортил...», толкуемая всеми и на все лады. Слова в романе прозвучали не только неожиданно, но, вроде бы, ни к селу ни к городу. В самом деле, ни до издевательского представления,

ни во время, ни после вопрос не обсуждался... Зрителям вопрос задан не был, да и собирать их для этого не стоило, и вдруг... Люди как будто сильно не изменились, любят деньги и так далее, но причем здесь квартирный вопрос?

Прежде всего, как мне кажется, этот вопрос оказывается решающим в определении — на кого намекает Булгаков образом Воланда. Неоднократно подчеркнув в тексте, что Воланд человек, Булгаков дал понять, что имеет в виду конкретного человека.

Сама фраза Воланда свидетельствует, что сатана знал этот народ до порчи квартирным вопросом, который возник только после революции. До нее люди состоятельные жили в особняках или благоустроенных квартирах, а крестьяне в своих хибарах вместе с мелким и крупным скотом, но «квартирный вопрос» даже не обозначался. Значит, мессир был в Москве не далее чем двадцать лет назад. Вспомним очерк Герберта Уэллса «Россия во мгле». В нем собеседник великого фантаста В. И. Ленин предлагает приехать в Россию лет через двадцать — вот тогда он увидит! Сам «мечтатель» не дожил до назначенного срока, так не явился ли с того света фантастическим приемом Булгакова посмотреть, что он натворил? Небезобидная иллюзия коммунизма, устроенная на сцене варьете гаерами свиты, очередной эксперимент над многострадальным народом... Причем Воланд так охарактеризовал публику, то есть народ, — «доверчивый». По-прежнему. То есть так же, как тогда, когда доверил Ленину свою судьбу в 1917-м году. Чтобы не утомлять читателя деталями, отсылаю к своей статье «Мастер и Маргарита». Прочтение иронии».

Итак, прочтение фразы с привлечением текстовых и внетекстовых структур позволяет установить — в образе Воланда Булгаков явно намекает на вождя мирового пролетариата В. И. Ленина. Намекает, но не пишет портрет

вождя. Такой подход поможет другими глазами взглянуть на роман.

Но есть еще один, а может быть, и не один, смысл выражения.

Фраза Воланда необычна, ярка и запоминается. И возникает естественный, но, как правило, незадаваемый вопрос — а как именно испортил? Тут Булгаков прибегает к очень тонкому литературному приему: забывает нам в подсознание зияющий вопрос, а потом отвечает на него на протяжении почти всего романа. И даже больше — всего творчества.

Ю. М. Лотман в статье «Дом в "Мастере и Маргарите"» отмечает: «Среди универсальных тем мирового фольклора большое место занимает противопоставление Дома (своего, безопасного, культурного, охраняемого покровительственными богами пространства) Антидому, "лесному дому" (чужому, дьявольскому пространству, месту временной смерти, попадание в которое равносильно путешествию в загробный мир)». У Булгакова эта тема занимает не просто много места, но и является ключом к пониманию замысла автора. Недаром произносится фраза Воланда в начале романа. Сохраним находку Лотмана «Дом — Антидом» и в этом ключе попробуем разобраться в построениях романа.

Да, именно Антидом — одна из основных тем романа. Но также как антиматерия не существует без материи, необходимо вначале разобраться — а что такое Дом в понимании Булгакова. У каждого свое представление о пространстве, «охраняемом богами». Высоцкого, например, устраивала стена перед глазами, в которой он черпал вдохновение. А, скажем, Паустовскому требовалась беседка, утопающая в роскошной зелени, и вид на заросшую диковатую Таруску. Вот и ваше представление сталкивается с булгаковским, соглашается, борется и раздвигается, используя лексику романа до черт знает каких пределов.

Отметим, что Булгаков не использует слово «дом», но, будучи городским жителем, — «квартира». Как часть большого дома, в котором живут и другие люди. Но суть не меняется. Дом-квартира — это не только постоянное жилище, но и часть самих обитателей квартиры.

Слово «Дом» возникает только в конце романа, когда мастер обретает вечное призрачное жилище. Но не забудем — дело происходит во владениях дьявола. Скорее всего, Воланд поселил героев в первом, самом легком круге, где допускаются определенные удобства. Но обрекает, как иронично и как бы между прочим бросает Булгаков, «слушать беззвучие».

Думаю, Булгаков прекрасно понимал разницу между «тишиной» и «беззвучием». Уверен, вы не раз слушали тишину где-нибудь вдали от цивилизации, в лесу, на опушке возле неяркого костерка. И, при отсутствии раздражающих, утомительных звуков, бесконечных разговоров, топота сотен ног, рева моторов и тому подобного, наслаждались тишиной — слушали шуршание ящерицы в траве, шелест где-то далеко сверху темных крон, убедительный шепот костра, да и вообще музыку сфер. А беззвучие — это совсем другое. Это скорее один из видов пытки. Вспомним обитателей станции Солярис у Станислава Лема, приклеивавших полоски бумаги к вентиляторам, чтобы не сойти с ума от полного безмолвия. Но это отдельная тема.

(Окончание в следующем номере.)

ЗАНИМАТЕЛЬНЫЙ ДОСУГ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ
КРОССВОРД
ПО ТЕМЕ
«АВТОРЫ-
КЛАССИКИ»

По горизонтали:

1. Автор романа «Преступление и наказание».
4. Автор романа «Бегущая по волнам».
6. Автор романа «Мальчик со шпагой».
7. Автор романа «Белая гвардия».
9. Автор романа «Бронзовая птица».
10. Автор романа «Сандро из Чегема».
13. Автор романа «Война и мир».

По вертикали:

2. Автор романа «Я, бабушка, Илико и Илларион».
3. Автор романа «Лолита».
5. Автор романа «Открытая книга».
8. Автор романа «Земля Санникова».
11. Автор романа «Вратарь республики».
12. Автор романа «Зависть».
14. Автор романа «Обломов».

Кроссворд составила
Ольга ЕФИМОВА.

Газета Союза писателей XXI века (www.writer21.ru),
Холдинговой компании «Вест-Консалтинг»
(www.west-consulting.com.ru)
и литературно-творческого объединения МИД России
«Отдушина»
Тел.: (495) 978-62-75
Интернет-ресурсы: www.litiz.ru, <http://reading-hall.ru/litiz>
E-mail: stepanov@mail.ru

Редакционный совет

Сергей Бирюков, Вера Киулина,
Владимир Масалов, Арсен Мелитонян, Евгений Степанов

Главный редактор

Евгений Степанов

Заместитель главного редактора

Фёдор Мальцев

Ответственный секретарь

Иосиф Быковский

Редактор отдела критики

Ольга Ефимова

Верстка

Ирина Ракитина

Интернет-версия

Максим Жуков

Свидетельство о регистрации

средства массовой информации ПИ № ФС77-33946 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций

Издатель: издательство «Вест-Консалтинг»

Юридический адрес издателя: 115230, г. Москва, Хлебозаводский проезд, дом 7, строение 9, этаж 7, помещение XIV, комната 12

Адрес для корреспонденции: 125375, г. Москва, Глинищевский пер., дом 6, офис 21, издательство «Вест-Консалтинг», газета «Литературные известия»

В оформлении газеты использованы материалы сайта бесплатных изображений freepik.com.

Отпечатано в типографии «Майер».

г. Санкт-Петербург, Троицкий пр., д. 6.

Заказ ??? Общий тираж 5000 экз.

ISSN 2949-3528

9 772949 352007